украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюх же оловира грецького и круживы златыми плоскыми ошит, и сапози зеленого хъза шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся".[1] Фигура князя привлекает внимание летописца и в битве, когда князь обнажает меч, когда он ранен, когда оружие его в крови или пострадало от ударов врага: „И сулици его кроваве сущи и оскепищю изсечену от ударенья мечеваго",[2] — говорит летописец о Данииле в битве с венграми.

Большинство положений князя, в которых описывает его летописец, связаны с княжеским этикетом, они в какой-то мере церемониальны. Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда „у стремени", что символизировало собой вассальную службу князя, его стояние „на костях" после битвы, „обличая" победу,[3] и т. д. Важно отметить, что во всех этих церемониальных положениях большое значение придавалось общественному признанию князя. Въезды князя в город после победы, для посажения на столе, встречаются сочувственно народом. Князь въезжает в город „с великою славою и честью",[4] а иногда летописец не забывает упомянуть, что князю пелась слава, что народ встречал его, как пчелы встречают матку.[5]

„Геральдические" положения найдены летописцем не только для своих, но и для врагов — для Севенча Боняковича, например, стремившегося ударить своим мечом в Золотые ворота Киева, как ударил в них когда-то его отец — хан Боняк, или для Владимирки Галицкого, обманувшего русских послов, лежа в постели, или посмеявшегося над послом Изяслава, стоя на переходах из своего дворца в божницу. Слова того и другого выражают в лаконичной и почти лозунговой (тоже геральдической) форме смысл их действий: „Хочу сечи в Золотая ворота, — говорит Севенч Бонякович, — якоже и отец мой"; „поеха мужь рускый, обуимав вся волости",[6] — говорит Владимирко Галицкий. Свежесть и сила этих эпизодов не в том, что в них отражен какой-то новый подход к событиям, а в том только, что самые события для изображения взяты в них не совсем заурядные.

Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход „в силе тяжце"[7] или в момент своего поражения, когда он бежит с позором „дав плечи", или обнимает ноги победителя, „обещаяся работе быти ему".[8] Боярин Доброслав выезжает „с великою гордынею", „во одиной сорочце, гордящу, ни на землю смотрящю".[9]

В этих изображениях внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив — в той мере, в какой это полагается ему там, где это нужно по „этикету". Всё совершается им в своем месте и в свое время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Болезнь князя описывается тогда, когда

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1252 г., стр. 540—541.

[2] Там же, под 1232 г., стр. 512.

[3] См., например: Ипатьевская летопись, под 1249 г., стр. 534: „И Льв ста на месте, воиномь посреде трупья являюща победу свою".

[4] Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217; под 1142 г., стр. 223; под 1146 г., стр. 233; под 1150 г., стр. 288 и мн. др.

[5] Там же, под 1235 г., стр. 517—518.

[6] Там же, под 1152 г., стр. 319.

[7] Там же, под 1237 г., стр. 520; под 1240 г., стр. 522 и др.

[8] Там же, под 1219 г., стр. 493.

[9] Там же, под 1240 г., стр. 525.